

DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.4.122-130
УДК 903.5

Н.П. Матвеева

Тюменский государственный университет
ул. Семакова, 10, Тюмень, 625003, Россия
E-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru

Особенности погребальных памятников эпохи Великого переселения народов в западной части Западной Сибири*

В статье дан анализ традиций и инноваций, которые нашли отражение в материалах погребальных памятников бассейна р. Тобол, датированных IV–V вв. н.э. Источниковая база исследования – 135 захоронений могильников Козлов Мыс-2, Ревда-5, Устюг-1, Инкульский, расположенных на севере лесостепной и в подтаежной зонах Западной Сибири. Показаны гетерогенность разных элементов погребального обряда. Сделан вывод, что сооружение курганов, северная ориентировка умерших, использование лошади в тризне, формовочные массы керамики с песком и шамотом являются наследием предшествующей саргатской культуры. Такие инновации, как кремации на стороне, погребения с конем, помещенным поверх перекрытия могилы перпендикулярно длинной оси погребения человека, пеленание покойников, обертывание их в кошму, кожу, коврики, отложенные захоронения, не имеют корней в местных традициях раннего железного века. Оригинальная формовочная рецептура керамики с добавлением жженой кости, кувшинные и кружковидные сосуды, массовая искусственная кольцевая деформация черепа связываются с мигрантами из Среднеазиатского региона. Они находят аналогии в Приаралье, степном Прииртышье, на Южном Урале, в предгорьях Тянь-Шаня и отражают, видимо, проникновение отдельных групп кочевников из праболгарской и гуннской среды. Появление грунтовых погребений, расположение их широкими рядами, использование лодок как вместилищ для тел умерших, изготовление керамики с фигурно-штамповой орнаментацией и распространение чашевидных сосудов связываются с пришельцами из ареала южного варианта карымской культуры (лесное Тоболо-Иртышье).

Ключевые слова: раннее Средневековье, Великое переселение народов, погребальные традиции, миграции.

N.P. Matveyeva

Tyumen State University,
Semakova 10, Tyumen, 625003, Russia
E-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru

Burials Dating to the Migration Period in Western Siberia

Traditional and novel features of 4th–5th century AD burials in the northern forest-steppe and sub-taiga areas of the Tobol valley (Kozlov Mys-2, Revda-5, Ustyug-1, and Ipkul) are described. The burial rite reveals cultural heterogeneity. The kurgans, the northerly orientation of bodies, the use of horsemeat in funeral feast, and the addition of sand and grog to ceramic paste are elements inherited from the earlier Sargatka culture. Features such as secondary cremation, inhumation with horse placed onto the roof of the grave perpendicular to the human body, wrapping the bodies in carpets, skins, and felt mats, and secondary inhumation have no roots in local Early Iron Age traditions. The addition of burnt bones to ceramic paste, new types of vessels such as jugs and mugs, and heavy circular deformation of the head – all these elements were introduced by migrants from Southwestern Central Asia, as evidenced by parallels with the Aral Sea area, the steppe part of the Irtysh Basin, the southern Ural, the Tien-Shan piedmont, apparently indicating immigration of isolated groups of nomads of proto-Bulgarian and Xiongnu

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФГФ, проект № 12-01-00329 «Миграции в лесостепном и подтаежном Зауралье в эпоху Великого переселения народов и формирование раннесредневековых общностей Урала и Западной Сибири».

origin. The emergence of flat cemeteries with rows of graves arranged perpendicular to their long axes, the use of boats as coffins, the stamp decoration of pottery, and bowls are features introduced by immigrants associated with the Karym culture of the forest parts of the Tobol and Irtysh drainages.

Keywords: Early Middle Ages, Great Barbarian Migration, burial rite, migrations.

Введение

Погребальные памятники начала средневековой эпохи в лесостепной зоне западной части Западной Сибири, которые можно отнести к бакальской культуре [Сальников, 1956, с. 211–214; Викторова, Морозов, 1993, с. 178; Маслюженко, 2005, с. 172], несмотря на более чем полувековую историю ее изучения, по-прежнему единичны [Рафикова, 2011, с. 97]. Бакальское население здесь сменяет мощное социально-экономическое образование раннего железного века с почти тысячелетней историей [Могильников, 1992], возможно, даже раннее государство, созданное носителями саргатской культуры [Матвеева, 2000, с. 301]. Сложный иерархически устроенный социум с многоотраслевым хозяйством в первые века нашей эры стал стремительно распадаться, превращаясь в мозаику кочевых сообществ, оставивших относительно бедные могильники и кратковременные поселения. Археологические материалы начального этапа бакальской культуры (IV в. н.э. [Матвеева, 2012б, с. 84]) показывают специфическое сочетание скотоводства с высокой долей лошади в стаде, переносных жилищ, от которых на поселениях остаются только очаги и ямы, и исключительно грубой керамики [Матвеева, Берлина, Рафикова, 2008, с. 157, 176]. В начале Средневековья произошли упрощение культуры и нивелировка имущественных различий, что подтверждается сокращением импорта по северным ответвлениям Великого Шелкового пути [Матвеева, 1997], прекращением строительства больших курганов. Социальную дезинтеграцию видим также в сокращении численности населения, отразившемся в десятикратно меньшем количестве памятников бакальской культуры по сравнению с предшествующей [Рафикова, 2011, с. 98].

Причиной трансформаций считают, во-первых, влияние кочевников из состава Гуннской орды, вторгшихся в лесостепь из Приаралья или с Южного Урала [Боталов, Гуцалов, 2000, с. 180], а также северных таежных мигрантов, носителей карымской культуры, из Нижнего Приобья [Чернецов, 1957]; во-вторых, изменения природной среды в сторону улучшения увлажненности, распространения обширных разнотравных лугов и березовых колков [Рябогина, Иванов, 2013, с. 138; Matveeva, Ryabogina, 2014, p. 314],

Рис. 1. Схема расположения могильников эпохи Великого переселения народов в Зауралье.

что, видимо, создало условия для притока кочевников и возникновения социальной напряженности. Рассмотрим механизмы этих трансформаций, традиции и инновации в погребальной обрядности бакальской культуры, а также истоки миграций.

Источниками по данному периоду являются могильники Козлов Мыс-2 (83 погребения) [Матвеева, 2012в], Устюг-1 (30) [Матвеева, 2012а], Ревда-5* (13) и Ипкульский (9 погребений) [Чичунова, 2011] (рис. 1). Однослойных поселений этого времени не известно [Рафикова, 2011, с. 99]. Формирование вышеназванных некрополей приходится на период с конца III по начало V в. н.э. Уточнив хронологию находок с данных памятников, мы считаем, что группу курганов 25, 26, 28, 29, 35, 40 Устюга-1, 1, 4, 5 Ипкульского некрополя и погребения 12а, 20, 22, 47, 56 Козлова Мыса-2 можно датировать концом III – серединой IV в. н.э. Захоронения в курганах 13, 14 Устюга-1 (рис. 2) и погребения 21, 25, 45, 54, 70 Козлова Мыса-2 относятся к IV в. н.э. В группе V в. н.э. по вещевым комплексам включаем погребения 2, 5, 7, 29, 36, 48, 51 и 91 могильника Козлов Мыс-2 [Матвеева, Зеленков, Чичунова, 2014].

*Раскопки автора 2014 г.

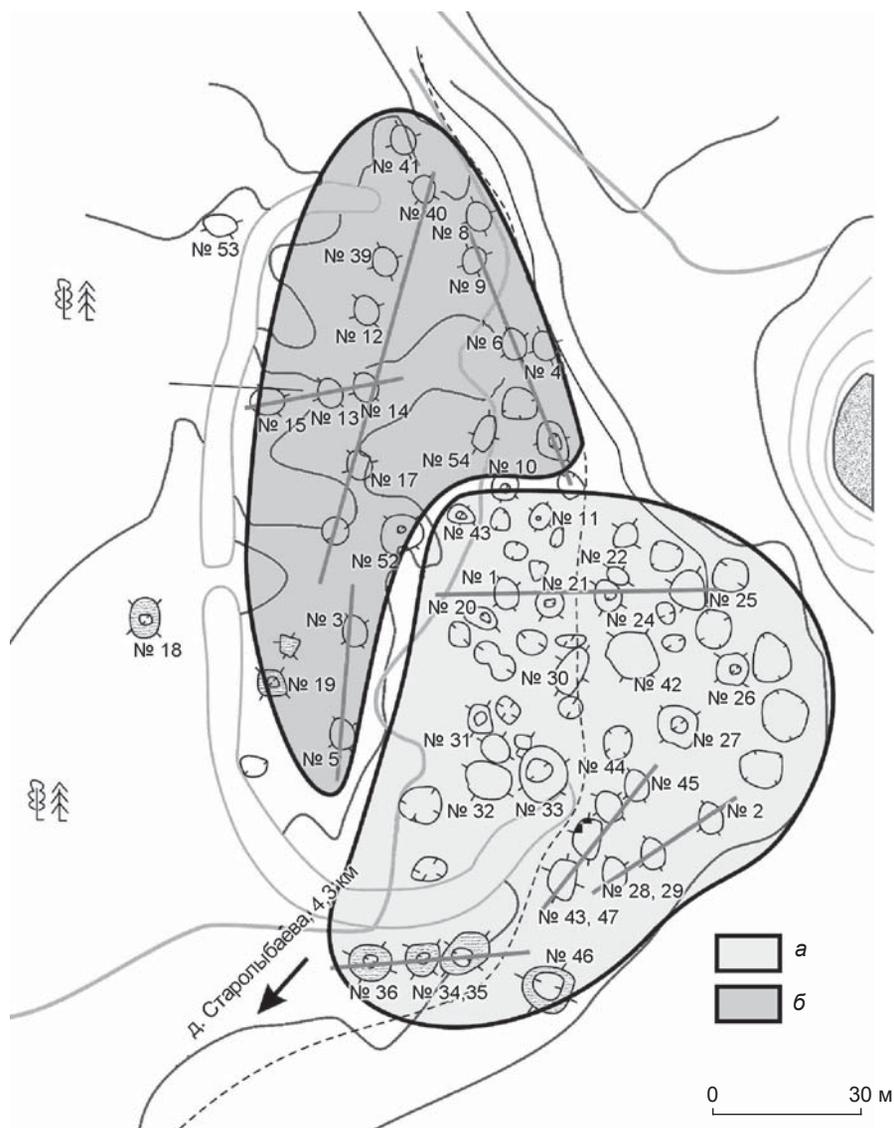

Рис. 2. План могильника Устюг-1.
а – курганы конца III – начала IV в. н.э.; б – курганы IV в. н.э.

Обсуждение результатов

Все могильники расположены единообразно: на мысу коренной террасы озера или реки, далеко вдающегося в пойму. Погребальные памятники сочетают традиции грунтовых и курганных захоронений, могилы образуют единые ряды, независимо от наличия / отсутствия над ними насыпей, рвов нет. Цепочки курганов диаметром 4–10 м обычно вытянуты поперек мыса, на стрелке – довольно плотно, а далее – более разреженно. Причем удаленные от стрелки мыса курганы расположены относительно выше на местности и больше по размерам.

Анализ микротопографии поверхности раскопов по инструментальным данным на Устюге-1 и Ревде-5

показывает, что над «бескурганными» захоронениями были насыпи высотой 10–15 см (визуально они, как правило, не фиксируются). Умершие располагались в могилах в вытянутом положении на спине с руками вдоль туловища, хотя встречены погребенные и в скорченном положении, и в позе всадника. Все могильные ямы вытянуто-овальные, размером $2,0 \div 2,5 - 0,7 \div 1,1$ м, глубина преимущественно 0,3–0,9 м от уровня материка.

Коричневый тлен на дне ям указывает на использование органических подстилок и гробов. Например, в погр. 3 кург. 35 Устюга-1 прослежены отпечатки берестяных коробов, в погр. 2 кург. 25 – циновки из тонких прутьев камыша или другой растительности, в погр. 2 кург. 40 Устюга-1 и в погр. 3 кург. 13

Ревды-5 погребенные были обернуты в кошку и кожу. На могильнике Козлов Мыс-2 встречены сруб и половина лодки. Тела пеленали или связывали. Под голову клали подушку либо делали приподнятым головной конец ямы. Инвентарь и пищу клали в изголовье. Наряду с преобладающими одиночными ингумациями встречены парные и коллективные захоронения. Судя по половозрастному составу умерших, отдельный курган не был семейным комплексом, вероятно, таковым являлась цепочка соседних курганов, вытянутых в одну линию [Матвеева, Пошехонова, 2013].

Около могил либо на перекрытии имеются следы тризны. Это целые сосуды, битая посуда в засыпке; скопления зубов и копыта лошади, кости ног мелкого рогатого скота, расположенные у края ямы на уровне древней поверхности. В качестве заупокойной пищи клали мясо крупных животных, встречаются кости представителей семейства псовых.

На могильнике Козлов Мыс-2 следы кремации каких-то органических останков находились на дне могильных ям рядом со скелетами. Это линзы диаметром 40–50 см из толстого слоя (примерно 40 см) сажистого угля, прокал от кострища, локализованный в одном углу ямы. Встречены такие кострища и в изголовье могилы, и на древнем горизонте. В Ревде-5 остатки кремации вместе с сосудами, установленными в северном конце ям, находились в стандартных могилах в общих рядах с ингумациями (рис. 3). Предполагаем, что сожжение производилось на стороне и сопровождалось обрядовыми действиями, в процессе которых остатки костра собирали в берестяной

короб или мешок и опускали в могилу перед ее засыпкой. Появление кремации считается проявлением инородного этнокультурного импульса в эпоху Великого переселения народов [Генинг, 1959, с. 182].

В Устюге-1 обнаружены два кенотафа, а также два захоронения с конем (рис. 4, 5). В отличие от раннетюркских традиций, здесь животное помещено не в одной могиле с всадником, а над могильной ямой в отдельном углублении, перпендикулярном длинной оси погребения человека. Поэтому предварительно объясняем данную новацию влияниями мигрантов с территории Южного Урала или Казахстана [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 63] из аварской или болгарской среды. С аварскими могильниками в Венгрии рассматриваемые захоронения объединяют расположение могил рядами [Эрдели, 1986, с. 324, 326], северо-западная ориентировка, наличие среднеазиатской керамики общих с металлической посудой

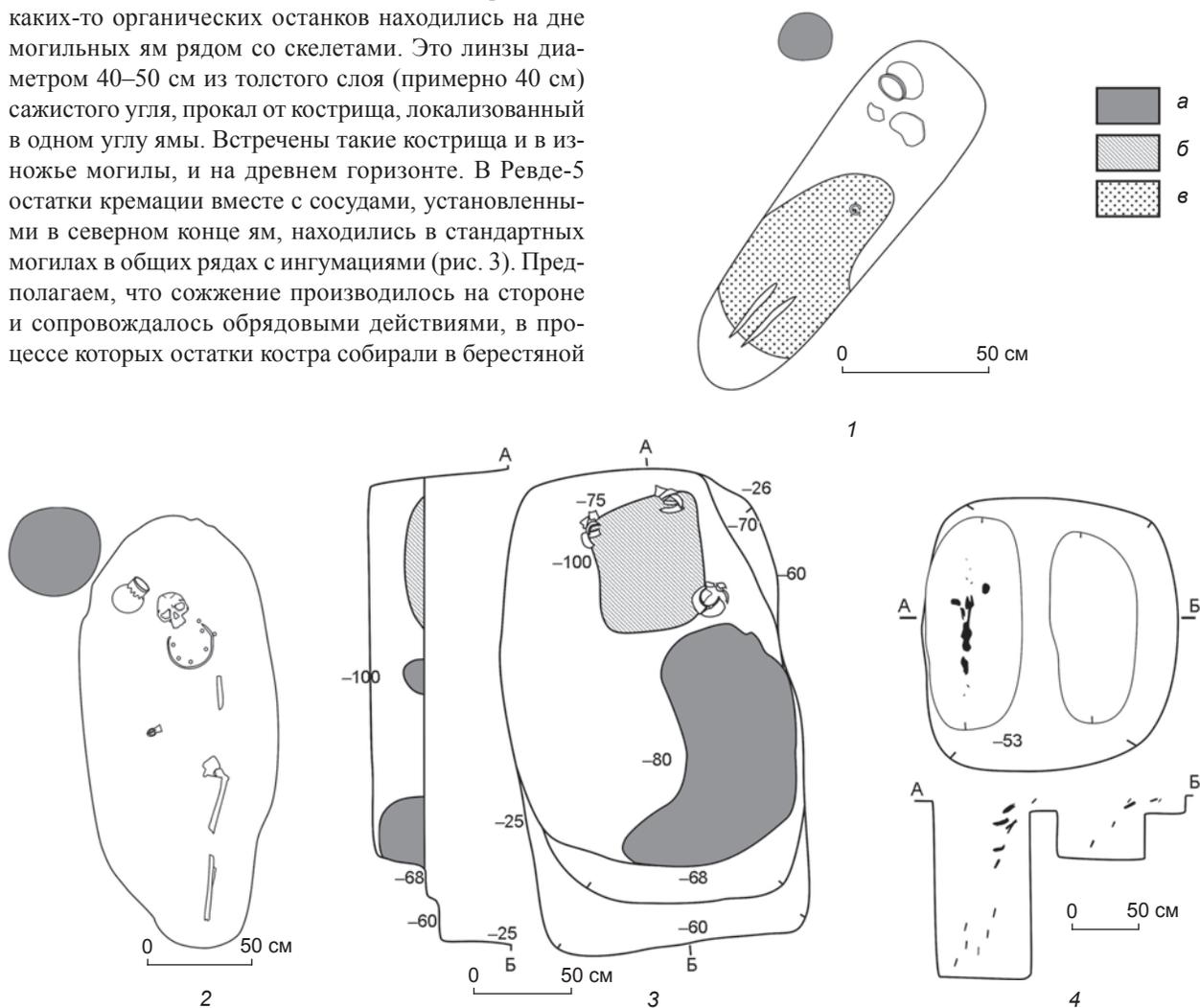

Рис. 3. Погребения с остатками кремаций на могильниках Козлов Мыс-2 (1, 2) и Ревда-5 (3, 4). а – мелкий сажистый уголь; б – темно-серый песок; в – охра.

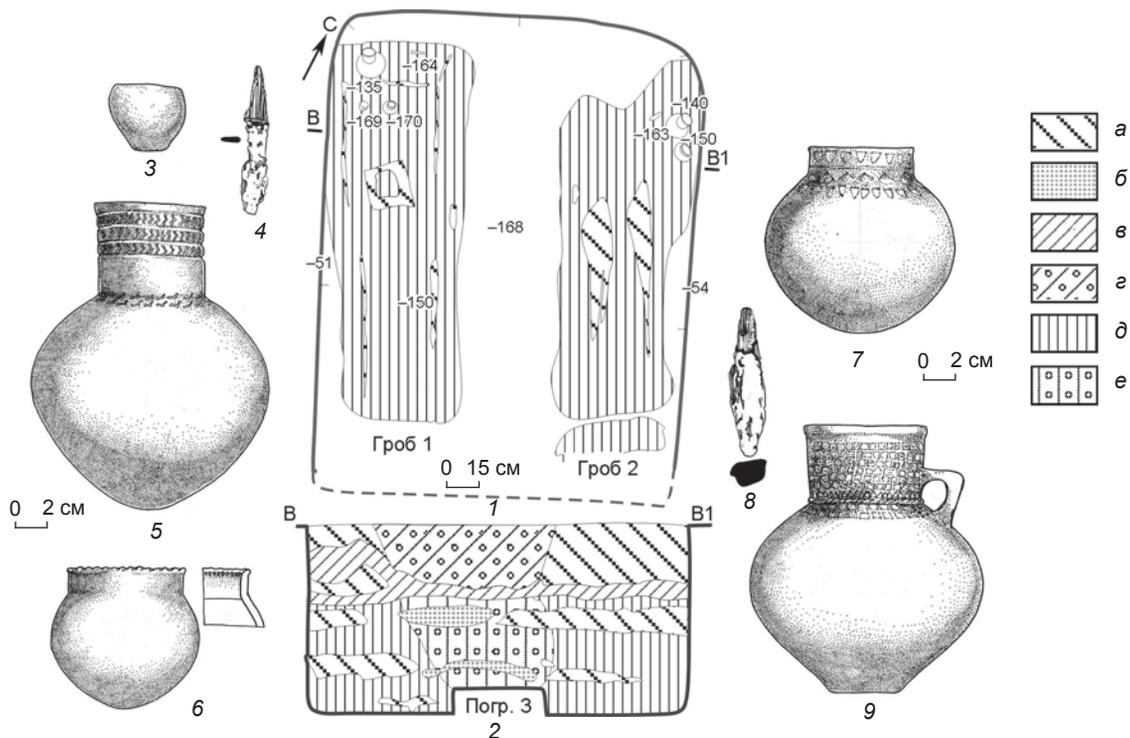

Рис. 4. Кенотаф (1, 2) и вещи из него (3–9). Устюг-1, кург. 35, погр. 3.

а – серая супесь; б – желтый суглинок, выброс; в – темно-серая супесь; г – темно-серый мешаный песок; д – коричневый песок; е – светло-коричневый мешаный песок.

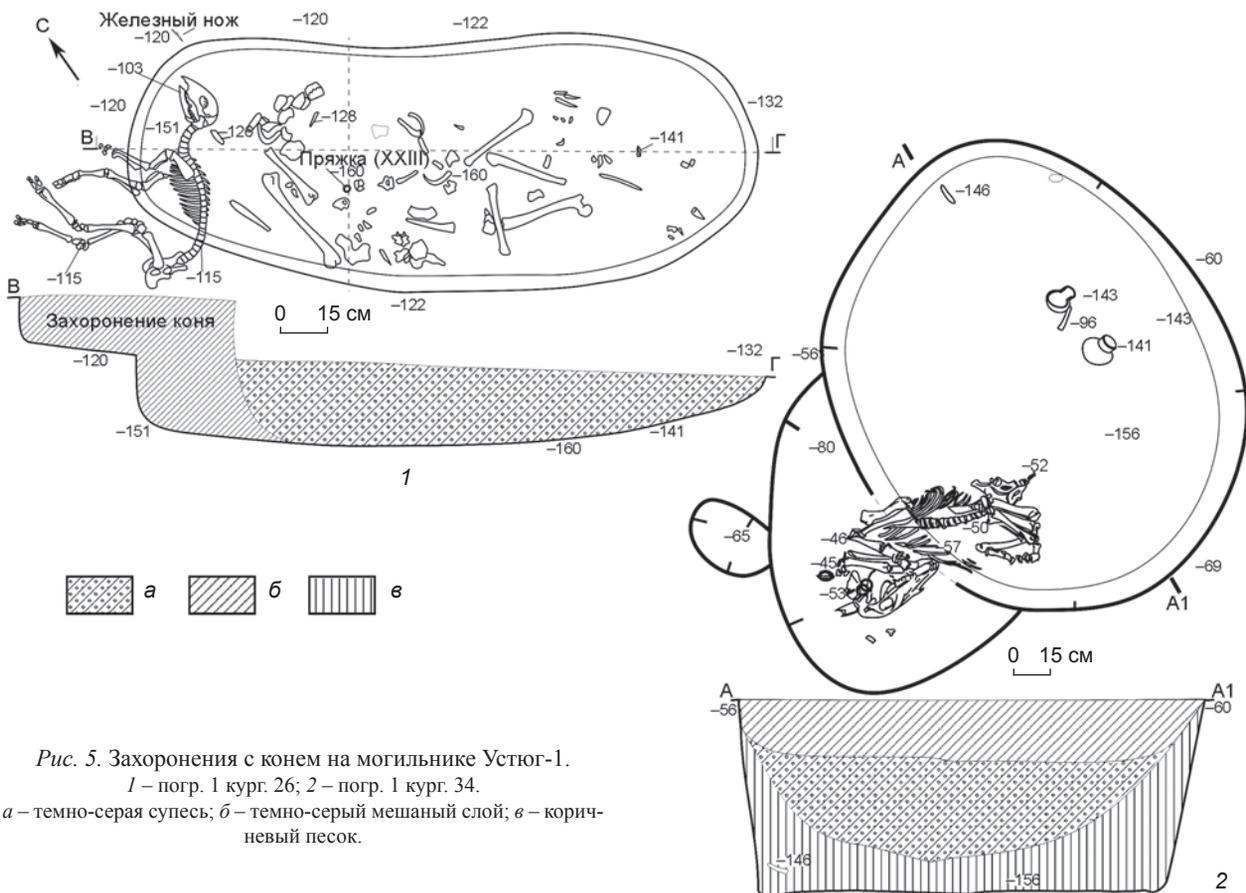

Рис. 5. Захоронения с конем на могильнике Устюг-1.

1 – погр. 1 кург. 26; 2 – погр. 1 кург. 34.

а – темно-серая супесь; б – темно-серый мешаный слой; в – коричневый песок.

форм. С раннеболгарскими погребальными обычаями, отмеченными на памятниках новинкинского типа, например, на Нетайловском и Красногоровском могильниках [Аксенов, 1995, с. 11], сближает наличие черепов лошади в насыпях, расположение могил рядами, пеленание покойников, размещение коней в яме, устроенной выше погребения человека [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 50, 53]. Даже оригинальное погребение с двумя параллельно установленными на дне ямы гробами (см. рис. 4) находит планиграфическую аналогию в погр. 2 кург. 13 могильника Новинки [Там же, с. 61].

Интересно отметить, что оружия нет совсем, а орудий труда крайне мало. Представлены костяные наконечники стрел и узда. Наибольшее количество украшений происходит из детских и подростковых захоронений, в которых они, видимо, играли роль оберегов и были помещены отдельно в деревянные или берестяные коробочки. Возможно, какое-то символическое значение имели кварцитовые гальки белого цвета, положенные в могилы Козлова Мыса-2.

Погребения на всех рассматриваемых могильниках не образуют каких-либо существенных групп с определенным типом керамики, часты случаи взаимовстречаемости разнородной посуды в одном захоронении. По составу теста бакальскую керамику можно признать запесоченной, по манере конструирования – четырехчастной. Некоторые сосуды залощены, но большинство грубо заглажены щепой или пальцами (рис. 6). Из орнаментальных мотивов характерны «елочка», выполненная гребенчатым штампом, нарезная решетка, линии из ямок или наколов, защипов, ногтевых отпечатков [Матвеева, Кобелева, 2013]. Бакальский комплекс проявляет преемственность с саргатской керамикой Тоболо-Иртышья, особенно это видно по материалам южно-таежных некрополей Ипкульский и Козлов Мыс-2, где есть изделия саргатского облика. Но в целом унаследована только часть форм и орнаментов [Матвеева, 2012в, рис. 10, 3, 6]. Некоторые аналогии приземистым горшочкам находим в основных типах мазунинской керамики. Однако состав теста и декор в Приуралье и Зауралье существенно различаются [Останина, 1997, табл. 30, рис. 50, с. 100].

Керамика «кушнареновского» типа представлена кувшинами и тонкостенными маленькими горшочками, иногда с ручками. Ее формовочная масса многорецептурная, кроме мелкого песка, содержит жженую кость, поэтому сосуды тонкие и легкие. Посуда конструировалась как трехчастная. Сосуды тщательно

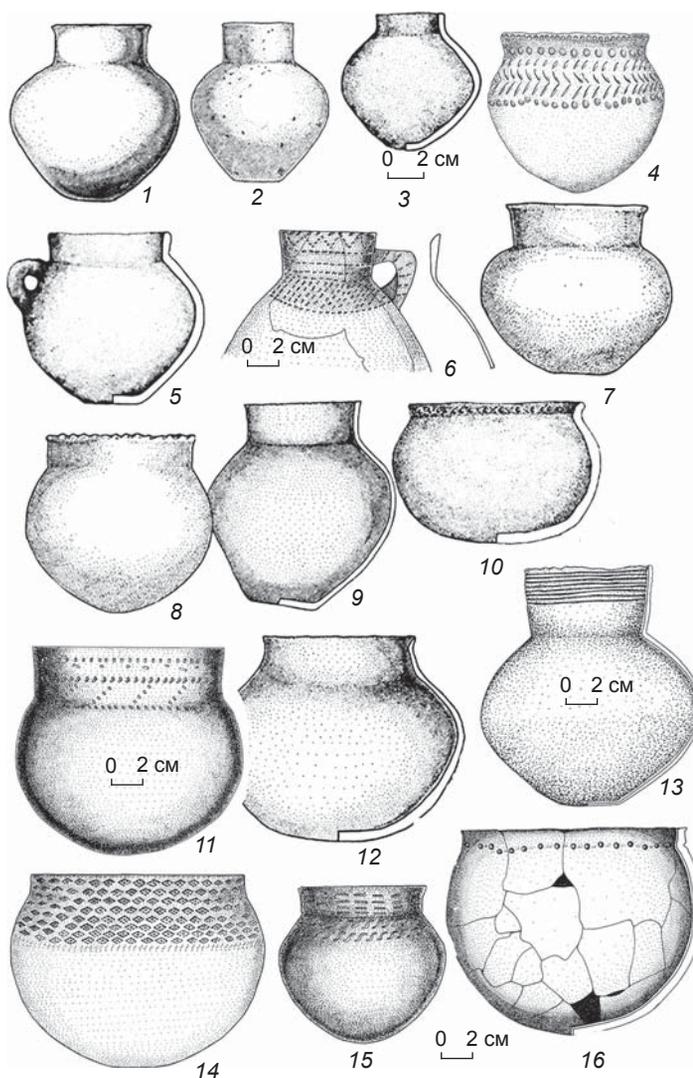

Рис. 6. Керамика с могильников Устюг-1 (1–5, 7–10, 12) и Ревда-5 (6, 11, 13–16).

1–3, 5–7, 9, 12, 13 – «кушнареновский» тип; 4, 8, 10, 11, 15, 16 – бакальский; 14 – карымский.

заглажены и залощены. Орнамент наносили металлическим орнаментиром, фигурным штампом, зубами мелкого хищника только по шейке и плечикам, причем мелкими плотными рядами горизонтальных линий, зигзагов, решетки. На основании оригинальных отошителей и форм, а также орнаментиром, не имеющих аналогов в предшествующих и синхронных памятниках Тоболо-Ишимья, эту группу посуды считаем импортной. Однако в ней присутствуют кружки и кувшины из запесоченного теста без добавления кости, которые могли быть изготовлены на месте как подражание привозным.

Можно заключить, что в состав местной посуды эпохи Великого переселения народов уже вошли заимствованные у каких-то южных мигрантов кувшиновидные и мисковидные формы (в саргатское время

они были крайне редки) вместе со способами их лепки. Кроме того, имеется саргатское технологическое наследие в производстве керамики лесостепного населения эпохи раннего Средневековья. Интересно, что носителями бакальской культуры не были восприняты фигурно-штамповые узоры. Они присутствуют на традиционных карымских сосудах из Ревды-5 (рис. 6, 14), Козлова Мыса-2 [Матвеева, 2012в, с. 74, рис. 57], датированных второй половиной IV – началом V в. н.э., но в сильно трансформированном виде только эпизодически встречаются в более раннем керамическом комплексе Устюга-1, расположенного на 100 км южнее. Получается, что либо таежных карымских импульсов, которые мы считаем кратковременными, относящимися к IV в., было несколько, либо пришлое население в основном сосредоточивалось на границе тайги и лесостепи.

Интересно сходство рассматриваемых памятников с более поздним курганным Бобровским могильником на Иртыше. В его керамическом комплексе содержится 16 % бакальского материала наряду с потчевашскими кувшинами, деревянными чашами и профилированными банками, характерными для оседлого населения Южного Казахстана. На Бобровском могильнике, так же как на рассматриваемых памятниках, умерших погребали в гробах, колодах, в кошме, однако ориентация могил иная – на юго-запад. Отмечено и наличие черепов, костей ног и копыт лошади возле могильных ям, подобные жертвенные комплексы обнаружены и в курганах с кремацией [Арсланова, 1980, с. 79, 82, 86], которая зафиксирована в двух вариантах: как захоронение сожженных костей и как зольные, углистые пятна, сходные с вышеописанными по мощности. Интересной

детали – помещению в сосуд костей пушного зверька – также находим аналогию на Бобровском могильнике: в кург. 3 в сосуд были сложены нижние челюсти лисичи, сайги и хорька [Там же, с. 85].

На прииртышском могильнике Усть-Тара VII видим близкие размеры насыпей и могил, северную ориентировку, деформированные черепа у погребенных, жертвоприношение лошади [Скандаков, Данченко, 1999, с. 167]. Однако там есть ровики вокруг курганов, бревенчатые оградки, посуда ставилась не только в изголовье, но и в ногах покойников, по-другому использовался огонь – берестяные и деревянные гробы подвергали частичному обожжению [Данченко, 2008, с. 49]. Параллельное расположение захоронений под насыпью, следы кремации в ямках встречены на одном из ранних потчевашских могильников Окунево-3. Предполагается, что сходство обусловлено общим саргатским субстратом на сравниваемых территориях [Могильников, 1987, с. 186–187]. В ранней группе погребений Бирского могильника, датируемой III – началом V в. [Васюткин, 1971, с. 98], присутствуют такие же неглубокие узкие ямы с отвесными стенками, тела были помещены в гробы, беден ассортимент украшений. Там же встречены все выявленные на рассматриваемых памятниках варианты расположения посуды: в изголовье, заполнении ям, рядом с могилами [Мажитов, 1968, с. 12, 22, 25]. Скопление предметов в изголовье можно сопоставить с характерными для мазунинской культуры «жертвенными комплексами» из вещей, положенных кучкой рядом с погребенным [Останина, 1997, с. 31].

Параллели в погребальной практике с памятниками гунно-сарматского времени в южно-уральских степях также имеются, хотя они и довольно скромные: меридиональная ориентировка, размещение головы и конечностей лошади у края могилы [Боталов, Гуцалов, 2000, с. 152, 154]; в рассматриваемых погребениях нет ни подбоев, ни заплечиков, ни специфических хуннских типов инвентаря.

Важной особенностью населения эпохи Великого переселения народов в Зауралье являлось наличие деформации черепа, которая производилась с применением круговой повязки без использования плоских подкладок. В результате лоб скошен назад, теменные бугры выступают, черепная коробка имеет удлиненную форму (рис. 7). Этот тип деформации можно признать сарматским, появившимся в лесостепи Западной Сибири с юго-запада в эпоху раннего железа [Золотарева, 1957, с. 250]. На значительной части костяков из могильников Устюг-1 и Ревды-5 антропологи отмечают погрызы, что может указывать на сохранение в зимнее время трупов на по-

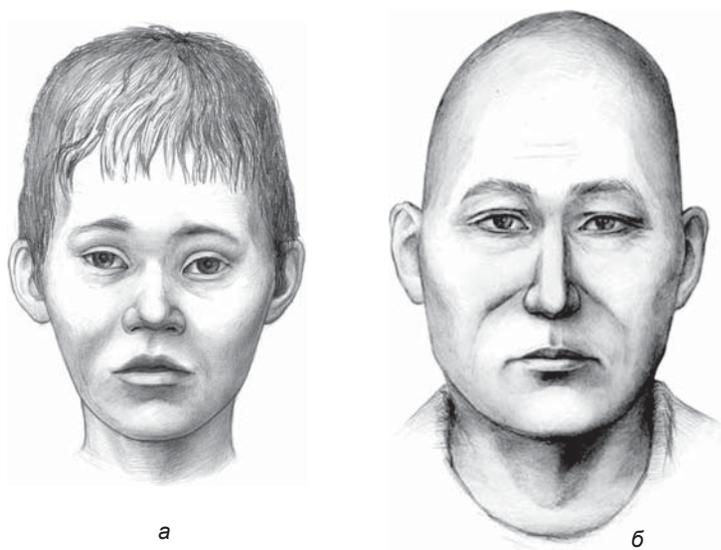

Рис. 7. Реконструкция Е.А. Алексеевой [2013] лица по черепу ребенка 8–10 лет (а) и мужчины 30–40 лет (б) из погр. 1 кург. 1 могильника Устюг-1.

селениях (отложенные погребения) или даже на существование традиции их выставления.

Кроме того, у многих погребенных имеются повреждения черепа и конечностей от ударов, у одной женщины был сломан позвоночник ниже грудины, у ряда индивидов зафиксированы поражения костной ткани, прижизненная утрата зубов и другие последствия социальных конфликтов и недоедания. По наличию деформации черепов и патологическому состоянию скелетов, в т.ч. множеству следов ранений, аналогию находим в Усть-Таре VII, памятнике карымского облика, но там в составе погребенных явно преобладают женщины [Скандаков, Данченко, 1999, с. 161–163]. Демографическая картина указывает на множественные выплески агрессии в среде лесостепного населения этого времени [Матвеева, Пошехонова, 2013].

Выводы

По материалам некрополей Устюг-1, Ипкульский, Козлов Мыс-2, Ревда-5 мы видим, что погребальный обряд формировавшейся бакальской культуры сочетает немногочисленные сохранившиеся от раннего железного века традиции с инновациями, обусловленными наслоениями разнородных элементов культуры мигрантных групп. Некоторые его черты, например, расположение могил рядами, кремации, были потом утрачены. В материалах рассматриваемых некрополей имеются общие компоненты с караякуповскими, мазунинскими, кушнарниковскими комплексами, указывающие на участие одних и тех же групп в культурогенезе Зауралья и Приуралья. Лесостепное наследие уже невелико: это насыпи курганов и северная ориентировка погребенных, использование лошади в обряде. Таежное влияние сводится к расположению могил рядами, приуроченности их к мысовым формам рельефа местности, использованию лодок как вместилищ тел; среднеазиатское – к новым формам посуды и появлению захоронений с конем, элементам кремации. Есть значительное сходство с приуральскими мазунинскими и харинскими комплексами в наборах инвентаря и способах его размещения.

Истоки заимствований установить довольно трудно, т.к. обстановка способствовала быстрой смене культурных стереотипов. При сравнении технологических приемов гончарства населения лесостепного и степного Зауралья мы обнаружили общий компонент на памятниках Солёный Дол, Дружное, Магнитный и Устюг-1 – инновацию в изготовлении формовочной массы с добавлением жженой кости, а также новые формы кружек, кувшинов и ваз. Это сходство можно объяснить волной мигрантов, расселившихся из одного центра, возможно, предгорьев Тянь-Шаня, в III в. [Матвеева, Кобелева, 2014]. Однако на Южном

Урале, помимо данной миграции, можно выделить несколько переселений из бассейна средней и нижней Сырдарьи в III–IV вв., связываемых с разными формами погребальных сооружений и разнообразием керамических изделий (кувшинов, курильниц, котлов, сковород). Ослабленное влияние последнего из них также проявилось в лесостепи в виде специфического украшения бакальской посуды – грубого насечения бортика, в результате чего образуется волнистый край (см. рис. 6, 8).

На вопрос: гуннское влияние или раннее проникновение тюркоязычных кочевников в западно-сибирскую лесостепь фиксируется в материалах могильников Устюг-1, Ипкульский, Козлов Мыс-2, Ревда-5? – мы, пожалуй, пока не можем ответить определенно. Некоторые авторы относят появление протоболгар в Восточной Европе к III–IV вв. н.э., усматривая их уже в составе Гуннской орды, другие же видят в них оставшихся в Приаралье гуннов, создавших новые политические объединения [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 171; Смагулов, Павленко, 1998, с. 149]. Поэтому инфильтрация протоболгар в Зауралье могла состояться в тот отрезок времени, в который формировались рассматриваемые могильники. Мы не можем утверждать, опираясь на пока еще малочисленные данные по захоронениям с конем, что в Зауралье в IV–V вв. появились именно авары или праболгары, но проникновение группы степного населения несомненно. Кроме того, вероятным является и продвижение далеко на север отрядов из постгуннской эфталито-кидаритской среды.

Массовое распространение кольцевой деформации черепов в Зауралье [Матвеева, Пошехонова, 2013], а также европеоидный облик захороненного там населения [Алексеева, 2013] как будто бы также подтверждают совместное и раннее появление гуннских и тюркских элементов культуры, причем далеко в лесостепной зоне, к северу от основных путей миграций вышеназванных групп кочевников.

Погребальные памятники начального этапа средневековой эпохи в западной части Западной Сибири являются оригинальными в своей гетерогенности, обусловленной краткостью переходного периода от раннего железного века к Средневековью и многокомпонентностью возникших культурных образований.

Список литературы

Аксенов В.С. Захоронения с конем у населения северо-западной части Хазарии // *Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э.: тез. докл. конф.* – Самара, 1995. – С. 10–12.

Алексеева Е.А. Антропологическая характеристика внешности индивидов из могильника Устюг-1 эпохи раннего средневековья // *AB ORIGINE: археол.-этногр. сб.* Тю-

мен. гос. ун-та. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2013. – Вып. 5. – С. 22–33.

Арсланова Ф.Х. Керамика раннесредневековых курганов Казахского Прииртышья // Средневековые древности евразийских степей. – М.: Наука, 1980. – С. 79–104.

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге: У истоков истории татар Волго-Камья. – Самара: Самар. регион. обществ. фонд «Полдень. XXII век», 1998. – 286 с.

Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: Рифей, 2000. – 265 с. – (Этногенез уральских народов).

Васюткин С.М. К дискуссии по бахмутинской культуре // СА. – 1971. – № 3. – С. 97–105.

Викторова В.Д., Морозов В.М. Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники Урало-Казахстанских степей. – Екатеринбург: Наука, 1993. – С. 173–192.

Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Тр. Казан. фил. АН СССР. Сер. гум. наук. – 1959. – Вып. 2. – С. 157–219.

Данченко Е.М. К характеристике историко-культурной ситуации в Среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и средневековья // Проблемы бакальской культуры: мат-лы семинара. – Челябинск: Рифей, 2008. – С. 45–60.

Золотарева И.М. Черепа из Перейминского и Козловского могильников // МИА. – 1957. – № 58. – С. 246–250.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. – СПб.: Фарн, 1994. – 165 с.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. – М.: Наука, 1968. – 162 с.

Маслюженко Д.Н. Происхождение и ранний период эволюции бакальской культуры (не археологический взгляд на археологическую проблему) // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: мат-лы XIII Зап.-сиб. конф. – Томск, 2005. – С. 172–175.

Матвеева Н.П. О торговых связях Западной Сибири и Центральной Азии в раннем железном веке // РА. – 1997. – № 2. – С. 63–77.

Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. – Новосибирск: Наука, 2000. – 399 с.

Матвеева Н.П. Могильник Устюг-1 по раскопкам 2009–2010 гг. // АВ ORIGINE: археол.-этногр. сб. Тюмен. гос. ун-та. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2012а. – Вып. 4. – С. 38–76.

Матвеева Н.П. Могильник Козлов Мыс-2 и проблема хронологии переходного периода от раннего к позднему железному веку в Зауралье // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012б. – № 4. – С. 70–85.

Матвеева Н.П. Козловский могильник эпохи Великого переселения народов. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2012в. – 178 с.

Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н. Козловское городище: Археолого-палеоэкологическое исследование. – Новосибирск: Наука, 2008. – 228 с. – (Древности Ингальской долины; вып. 2).

Матвеева Н.П., Зеленков А.С., Чикунова И.Ю. Хронологическая интерпретация могильников переходного времени от раннего железного века к раннему Средневековью

в Зауралье // АВ ORIGINE: археол.-этногр. сб. Тюмен. гос. ун-та. – Тюмень: Вектор Бук, 2014. – Вып. 6. – С. 5–25.

Матвеева Н.П., Кобелева Л.С. К вопросу об исходных компонентах раннесредневекового культурогенеза лесостепного Зауралья (по данным изучения гончарства) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии / ИПОС СО РАН. – 2013. – № 3. – С. 68–78.

Матвеева Н.П., Кобелева Л.С. Свидетельства миграций в Зауральском регионе эпохи Великого переселения народов (по керамическим материалам могильников Зауралья) // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2014. – Т. 13, № 7. – С. 80–88.

Матвеева Н.П., Пошехонova О.Е. Половозрастной состав захоронений могильника Устюг-1 и особенности погребальной практики // Вестн. угроведения. – 2013. – № 1. – С. 125–131.

Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты. – М.: Наука, 1987. – С. 163–235.

Могильников В.А. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 274–311.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. н.э. – Ижевск: УдмНИИЯЛИ УрО РАН, 1997. – 328 с.

Рафикова Т.Н. Основные итоги изучения материальной культуры бакальского населения // Уфим. археол. вестн. – 2011. – Вып. 11. – С. 97–99.

Рябогина Н.Е., Иванов С.Н. Реконструкция облика ландшафтов Притоболья в раннем Средневековье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии / ИПОС СО РАН. – 2013. – № 1. – С. 133–138.

Сальников К.В. Исетские древние поселения // СА. – 1956. – № 25. – С. 189–214.

Скандаков И.Е., Данченко Е.М. Курганный могильник Усть-Тара VII в южнотаежном Прииртышье // Гуманитарное знание. Сер.: Преемственность. – 1999. – Вып. 3. – С. 160–186.

Смагулов Е., Павленко Ю.В. Гунны на пути в Европу // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы; М.: Гылым, 1998. – Вып. 2. – С. 142–151.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э.: Обзор и классификация материала // МИА. – 1957. – № 58. – С. 136–245.

Чикунова И.Ю. Ипкульский могильник как источник по изучению этнокультурной ситуации в раннем средневековье в Притоболье // Тр. III Всерос. археол. съезда. – Великий Новгород; Старая Русса, 2011. – Т. 2. – С. 112–113.

Эрдели И. Археология Венгрии VI–XI вв. // Археология Венгрии: Конец II тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – М.: Наука, 1986. – Т. 2. – С. 310–346.

Matveeva N., Ryabogina N. The Impact of Climatic Fluctuation on Culture in the Finish of Early Iron Age and the Beginning of the Middle Ages in Trans-Urals // 20th Annual Meeting of the European Association of Archaeologists 10–14 September 2014, Istanbul – Turkey: abstracts of the oral and poster presentation. – Istanbul: Archaeology & Art Publications, 2014. – P. 313–314.

Материал поступил в редколлегию 11.11.14 г., в окончательном варианте – 16.01.15 г.